

Три лекции, прочитанные рабочим Валь-де-Сент-Имье

Михаил Бакунин

Май 1871, впервые опубликовано полностью

Оглавление

ТРИ ЛЕКЦИИ, ПРОЧИТАННЫЕ РАБОЧИМ ВАЛЬ-ДЕ-СЕНТ-ИМЬЕ	3
Предисловие Джеймса Гильома	4
Первая лекция. Истоки современного общества	5
Вторая лекция. О свободе и текущем рабстве	11
Третья и заключительная лекция. Пролетарская революция и революция буржуазии	18

ТРИ ЛЕКЦИИ, ПРОЧИТАННЫЕ РАБОЧИМ ВАЛЬ-ДЕ-СЕНТ-ИМЬЕ

Предисловие Джеймса Гильома

28 апреля 1871 года Бакунин прибыл из Локарно в деревню Сонвилье (Валь-де-Сент-Имье, Бернская Юра). С 19 марта по 3 апреля он ездил во Флоренцию по частным делам (см. т. II *Oeuvres*, с. 277-278, [Середина предисловия Гильома к первой части *Кнута-Германской империи*]), в тот самый момент, когда после революции 18 марта в Париже начала действовать Коммуна. Как только он вернулся в Локарно, он решил отправиться во французскую Швейцарию, чтобы иметь возможность лучше следить за событиями в Париже (*письмо Озерову*, 5 апреля 1871 года). Отсутствие денег не позволило ему сразу же отправиться в путь, но как только ему удалось взять ссуду в тысячу франков, он поспешил вернуться к своим друзьям. Он приехал посоветоваться с ними, не имея никаких твердых идей относительно того, что можно сделать; именно в горах Юры он основал свою штаб-квартиру, потому что рассчитывал найти здесь людей, способных действовать, а в Женеве, где, кроме горстки друзей, он встретил бы только враждебность и болтовню.

Он оставался в Сонвилье примерно до 15 мая, а затем отправился в Ле-Локль, чтобы приблизиться к французской границе. Был разработан план. «В одном из французских городов на востоке находилась секция Интернационала, с которой мы поддерживали связь. Вооруженные интернационалисты из наших различных секций должны были пересечь границу тремя или четырьмя группами и направиться в этот город, где их появление совпало бы с восстанием рабочего класса». («*Интернационал*», т. II, с. 152.) Вступление версальцев в Париж 21 мая заставило отказаться от осуществления этого плана. Бакунин покинул Ле-Локль 29 мая, чтобы вернуться в Локарно, куда он прибыл 1 июня.

Во время пребывания в Валь-де-Сент-Имье он прочитал три лекции, точнее, три чтения, перед рабочими, в которых, проследив историю французской буржуазии и ее революционную роль в XVIII веке, изложил историческую миссию пролетариата в XIX. Именно эти три лекции мы сейчас и читаем.

Впервые они были опубликованы Максом Неттлау в брюссельском журнале *Société Nouvelle*, «Новое общество» (март и апрель 1895 года), но в очень плохом и неполном экземпляре. В этой копии отсутствовали четыре страницы третьей лекции; кроме того, текст был искажен множеством грубых ошибок, неправильно написанных слов, пропущенных частей предложений и т. д. Я публикую здесь полный и правильный текст, основанный на находящейся в моем распоряжении оригинальной рукописи, которую мне в свое время передал Адемар Швицгелль.

Первая лекция.¹

Истоки современного общества²

Товарищи³,

Со времен Великой революции 1789-1793 годов ни одно из последовавших за ней событий в Европе не имело такого значения и величия, как те, что разворачиваются на наших глазах и ареной которых сегодня является Париж.

Два исторических события, две памятные революции составили то, что мы называем современным миром, миром буржуазной цивилизации. Одна из них, известная как Реформация, произошедшая в начале XVI века, разрушила краеугольный камень феодального строя – всемогущество церкви; уничтожив эту власть, она подготовила гибель независимой и почти абсолютной власти феодалов, которые, благословленные и защищенные церковью, подобно королям, а часто и вопреки королям, черпали свои права непосредственно из божьей милости; В то же время она дала новый толчок освобождению буржуазного класса, которое медленно подготавливалось, в свою очередь, в течение двух столетий, предшествовавших этой религиозной революции, последовательным развитием коммунальных общинных свобод и развитием торговли и промышленности, которые были в то же время условием и необходимым следствием.

Эта революция породила новую власть, еще не буржуазии, а власть государства монархического, конституционного и аристократического в Англии, монархического, абсолютного, дворянского, военного и бюрократического на всем континенте Европы, за исключением двух маленьких республик – Швейцарии и Нидерландов.

Для приличия оставим эти две республики в стороне и займемся монархиями. Рассмотрим сословные отношения и их политическую и социальную ситуацию после Реформации.

Под священниками я подразумеваю не только католических, но и протестантских служителей, словом, всех тех, кто зарабатывает на жизнь богослужением и продает нам доброго Господа оптом и в розницу. Что касается разделяющих их теологических различий, то они настолько тонки и в то же время настолько абсурдны, что разбирать их было бы пустой тратой времени.

До Реформации истинными владыками земли были Церковь и священники во главе с Папой. Согласно церковному учению, мирские власти всех стран, самые могущественные монархи, императоры и короли обладали правами лишь постольку,

¹ Оригинал не имеет названия. Прим. Дж. Г.

² Здесь и далее названия лекция придуманы переводчиком на основании содержания лекций, в оригинале названий не было.

³ Бакунин первоначально написал «Граждане», затем зачеркнул это слово и заменил его на «Товарищи» (Compagnons).

поскольку эти права были признаны и освящены Церковью. Мы знаем, что последние два века Средневековья были заняты все более страстной и победоносной борьбой коронованных государей против Папы, государств против Церкви. Реформация положила конец этой борьбе, провозгласив независимость государств. Право государя было признано исходящим непосредственно от Бога, без вмешательства Папы, и, естественно, благодаря этому совершенно небесному источнику, оно было объявлено абсолютным. Таким образом, на руинах деспотизма церкви было возведено здание монархического деспотизма. Церковь, будучи господином, стала слугой государства, инструментом управления в руках монарха.

Такие отношения между церковью и государством были приняты не только в протестантских странах, где главой церкви был объявлен монарх, за исключением Англии и англиканской церкви в частности, но и во всех католических странах, за исключением Испании. Власть Римской церкви, сокрушенная страшными ударами, нанесенными ей Реформацией, больше не могла поддерживать себя. Чтобы поддерживать свое существование, она нуждалась в помощи временных государей государств. Но государи, как известно, никогда не оказывают помощь просто так. У них никогда не было никакой другой искренней религии, никакого другого поклонения, кроме поклонения своей власти и своим финансам, причем последнее было одновременно и средством, и целью первого. Поэтому, чтобы купить поддержку монархических правительств, Церковь должна была доказать им, что она способна и готова служить им. До Реформации она неоднократно возбуждала народ против королей. После Реформации она стала во всех странах, включая Швейцарию, союзницей правительств против народа, своего рода черной полицией в руках государственных деятелей и правящих классов, взяв на себя миссию проповедовать народным массам смирение, терпение, послушание и отказ от благ и удовольствий этой земли, которые люди, мол, должны оставить счастливым и сильным мира сего, чтобы обеспечить себе сокровища небесные. Вы знаете, что и сегодня все христианские церкви, католические и протестантские, продолжают проповедовать в этом духе. К счастью, их слушают все меньше и меньше, и мы можем предвидеть тот момент, когда они будут вынуждены закрыть свои заведения из-за отсутствия верующих, или, что означает то же самое, из-за отсутствия дураков.

Давайте посмотрим, какие преобразования произошли в феодальном классе, в дворянстве, после Реформации. Оно, дворянство, оставалось привилегированным и почти исключительным владельцем земли, но потеряло всю свою политическую независимость. До Реформации, как и церковь, оно было соперником и врагом государства. После Реформации, как и церковь, оно стало слугой государства и, как и церковь, привилегированным слугой. Все военные и гражданские функции государства, за исключением самых незначительных, были заняты дворянами. Дворы великих и даже малых монархов Европы были заполнены ими. Крупнейшие феодалы, некогда столь независимые и гордые, стали титулованными слугами государей. Возможно, они потеряли свою гордость и независимость, но сохранили все свое высокомерие. Можно даже сказать, что оно возросло: высокомерие – излюбленный порок лакеев. Низкие, пресмыкающиеся и подневольные в присутствии государя, они становились еще более наглыми по отношению к буржуазии и народу, кото-

рых они продолжали грабить не от своего имени и по божественному праву, а с разрешения и на службе у своих хозяев и под предлогом высшего блага государства.

Этот характер и это особое положение дворянства почти полностью сохранились даже сегодня в Германии, странной державе, которая, кажется, имеет привилегию мечтать о самых прекрасных и благородных вещах, а на деле осуществлять самые позорные и бесславные. Доказательством тому служат бесчестные, зверские варварства последней войны и совсем недавнее образование этой ужасной Кнуто-Германской империи, которая, несомненно, является угрозой свободе всех стран Европы, вызовом всему человечеству благодаря жестокому деспотизму императора, который одновременно является городским и военным сержантом, и глупой наглостью его благородного мерзавца.

С Реформацией буржуазия полностью освободилась от тирании и грабежа феодалов как независимых и частных разбойников или грабителей; но она увидела, что подверглась новой тирании и новому грабежу, отныне упорядоченному, под названием обычных и чрезвычайных государственных налогов, теми же лордами, которые стали слугами, то есть законными разбойниками и грабителями государства. Этот переход от феодального грабежа к гораздо более регулярному и систематическому грабежу государства поначалу, казалось, удовлетворял средний класс. Из этого можно сделать вывод, что это было реальное облегчение их экономического и социального положения. Но, как говорится, чем больше ешь, тем больше аппетит. Государственные налоги, которые поначалу были скромными, с каждым годом росли все больше и больше, хотя и не так сильно, как в современных монархических государствах. Непрекращающиеся войны, которые эти государства, ставшие абсолютными, вели под предлогом поддержания международного баланса со времен Реформации до Революции 1789 года; необходимость содержать большие постоянные армии, которые теперь стали главной основой для сохранения государств; растущая роскошь государевых дворов, превратившихся в постоянные оргии, куда дворяне, все титулованные камердинеры приходили выпрашивать пенсии у своих господ; необходимость кормить эту привилегированную толпу, занимавшую высшие посты в армии, в бюрократии и в полиции, – все это требовало огромных расходов. Эти расходы оплачивал, конечно, в первую очередь народ, но также и буржуазный класс, который до революции рассматривался в примерно такой же, если не в той же самой степени, что и народ, как дойная корова, не имеющая иной цели, кроме как содержать государя и кормить эту бесчисленную толпу привилегированных чиновников. Реформация, кстати, привела к тому, что средний класс потерял в свободе, возможно, вдвое больше того, что он дал ему в безопасности. до Реформации она, как правило, была союзником и незаменимой опорой королей в их борьбе против Церкви и феодалов и умело воспользовалась этим, чтобы завоевать определенную степень независимости и свободы. Но поскольку Церковь и феодалы подчинились государству, короли, не нуждаясь более в услугах среднего класса, постепенно лишили его всех свобод, которые предоставляли ему ранее.

Если таково было положение буржуазного класса после Реформации, то можно представить, каково было положение народных масс, крестьян и рабочих в городах. Как известно, в начале XVI века и после Реформации крестьяне Центральной Европы, в Германии, Голландии и частично даже в Швейцарии, развернули гранди-

озное движение за свое освобождение, взывая «Войну дворцам и мир хижинам». Это движение, преданное буржуазным классом и проклятое лидерами буржуазного протестантизма Лютером и Меланхтоном, было задушено в крови десятков тысяч восставших крестьян. С тех пор крестьяне были более чем когда-либо привязаны к земле, де-юре крепостные и де-факто рабы, и в таком состоянии они оставались до революции 1789-1793 годов во Франции, до 1807 года в Пруссии и до 1848 года почти во всей остальной Германии. В некоторых районах северной Германии, в частности в Мекленбурге, крепостное право существует и по сей день, в то время как в России оно уже прекратило свое существование.

Городской пролетариат был ненамного свободнее крестьянского. Они делились на две категории: рабочие (ремесленники), состоявшие в гильдиях, и пролетариат, который вообще не был организован. Первые были связаны, их передвижения и производство были скованы множеством правил, которые поработали их перед главами гильдий и начальниками. Вторые, лишённые всех прав, были угнетены и эксплуатировались всеми. Основная часть налогов, как всегда, ложилась на народ.

Это разорение и всеобщее угнетение трудящихся масс, а отчасти и буржуазного класса, имело своим предлогом и заведомой целью величие и великолепие монархического, дворянского, бюрократического и военного государства, которое в официальном поклонении заняло место Церкви и (было) провозглашено божественным институтом. Таким образом, существовала государственная мораль, совершенно отличная или, скорее, совершенно противоположная личной морали людей. В личной морали, в той мере, в какой она не ополнена религиозными догмами, есть вечная основа, более или менее признанная, понятая, принятая и реализованная в каждом человеческом обществе. Эта основа – не что иное, как человеческое уважение, уважение к человеческому достоинству, к правам и свободе всех людей. Уважать их – долг каждого; любить и поощрять их – добродетель; нарушать их, напротив, – преступление. Мораль государства полностью противоположна этой человеческой морали. Государство представляет себя всем своим подданным как высшую цель. Служить его власти, его величию всеми возможными и невозможными средствами, даже вопреки всем человеческим законам и благу человечества, – это и есть добродетель. Ведь все, что способствует могуществу и росту государства, – добро; все, что противоречит ему, даже самый добродетельный поступок, самый благородный с человеческой точки зрения, – зло. Вот почему государственные деятели, дипломаты, министры, все должностные лица всегда использовали преступления, ложь и позорное вероломство, чтобы служить государству. Как только злодейство совершается на службе государству, оно становится достойным поступком. Такова мораль государства. Это отрицание человеческой морали и гуманности.

Противоречие кроется в самой идее государства. Поскольку универсальное государство никогда не может быть реализовано, каждое государство – это ограниченное существо, состоящее из ограниченной территории и более или менее ограниченного числа подданных. Поэтому огромное большинство человечества остается за пределами каждого государства, а все человечество разделено между множеством больших, средних и малых государств, каждое из которых несмотря на то, что охватывает лишь очень малую часть человечества, провозглашает и выдает себя за представителя всего человечества и за нечто абсолютное. В то же время все, что остается за его пре-

делами, все другие государства с их подданными и собственностью их подданных, рассматриваются каждым государством как существа, лишенные всякой санкции, всякого права, и на которые оно, следовательно, имеет право нападать, завоевывать, истреблять, грабить, насколько позволяют его средства и силы. Вы знаете, дорогие товарищи, что нам никогда не удавалось установить международное право, и что мы никогда не могли этого сделать именно потому, что с точки зрения государства все, что находится вне государства, лишено прав. И все эти преступления якобы благословляются Богом христиан, которого каждое из воюющих государств считает и провозглашает (как) своего сторонника, исключая другого, – что, естественно, должно приводить в большое смущение бедного Доброго Бога, во имя которого на земле совершались и продолжают совершаться самые ужасные преступления. Вот почему мы являемся врагами Доброго Господа и считаем этот вымысел, этот божественный призрак одним из главных источников зла, терзающего человечество.

Вот почему мы также являемся страстными противниками государства и всех государств. Потому что пока существуют государства, не будет человечества, а пока существуют государства, война и ужасные военные преступления, разорение и страдания народов, которые являются неизбежными последствиями, будут постоянными.

Пока существуют государства, народные массы, даже в самых демократических республиках, будут фактически рабами, потому что они будут работать не на свое счастье и богатство, а на власть и богатство государства. А что такое государство? Говорят, что оно является выражением и реализацией полезности, добра, права и свободы всех людей. Что ж, те, кто это утверждает, лгут не меньше, чем те, кто утверждает, что Бог – защитник всех. С тех пор как в воображении человека возникла идея божественного существа, Бог, все боги, и прежде всего Бог христиан, всегда выступал на стороне сильных и богатых против невежественных и жалких масс. Через своих священников он благославлял самые отвратительные привилегии, самые позорные притеснения и эксплуатацию.

Точно так же государство – это не что иное, как гарантия всех форм эксплуатации в интересах небольшого числа привилегированных лиц и в ущерб народным массам. Оно использует коллективную силу и труд всего мира для обеспечения счастья, процветания и привилегий немногих в ущерб правам каждого человека. Это учреждение, в котором меньшинство является молотом, а большинство – наковальней.

До Великой революции буржуазный класс, хотя и в меньшей степени, чем народные массы, был частью наковальни. И именно поэтому она была революционной.

Да, она действительно была революционной. Она осмелилась восстать против всех божественных и человеческих властей, поставила под сомнение Бога, королей и папу. Особенно она злилась на дворянство, которое занимало в государстве место, которое ей не терпелось занять самой. Но нет, я не хочу быть несправедливым и ни в коем случае не утверждаю, что в своих великолепных протестах против божественной и человеческой тирании она была подвижна и побуждаема лишь эгоистическими помыслами. Сила вещей, сама природа ее конкретной организации инстинктивно толкала ее к захвату власти. Но поскольку она еще не осознавала пропасти, отделявшей ее от масс эксплуатируемых ею рабочих, и поскольку это осознание еще не пробудилось в самом пролетариате, буржуазия, представленная в этой борьбе против

церкви и государства своими благороднейшими умами и величайшими характерами, добросовестно верила, что она также работает на освобождение всех.

Два столетия между борьбой Религиозной реформации и Великой революцией были героическим веком буржуазного класса. Став могущественным благодаря богатству и уму, он смело атаковал все уважаемые институты церкви и государства. Сначала он подрывал все через литературу и философскую критику, а затем низвергал все через открытое восстание. Она, буржуазия, совершила революции 1789 и 1793 годов. Но именно она организовала эту силу и направила ее против Церкви, против королевской власти и дворянства. Именно буржуазия придумала и взяла на себя инициативу во всех движениях, которые осуществлял народ. Буржуазия верила в себя, она чувствовала себя сильной, потому что знала, что за ней, с ней, стоит народ.

Если мы сравним гигантов мысли и действия, вышедших из буржуазного класса в XVIII веке, с величайшими знаменитостями, с известными тщеславными карликами, которые представляют его сегодня, мы убедимся в упадке, в ужасающем падении, которое произошло в этом классе. В XVIII веке оно было умным, смелым и героическим. Сегодня оно трусливо и глупо. Тогда, преисполненное веры, оно осмеливалось на все и могло сделать все. Сегодня, изгрызенное сомнениями и деморализованное собственным беззаконием, которое в большей степени заключается в его положении, чем в его воле, оно являет нам картину самого позорного бессилия.

Последние события во Франции доказывают это слишком хорошо. Буржуазия показала свою полную неспособность спасти Францию. Она предпочла вторжение пруссаков народной революции, которая одна только и могла осуществить это спасение. Она позволила флагу человеческого прогресса, флагу всеобщего освобождения выпасть из своих слабых рук. А пролетариат Парижа доказывает нам сегодня, что только рабочие способны нести его.

На одном из ближайших заседаний я постараюсь это продемонстрировать.

Вторая лекция. О свободе и текущем рабстве

Дорогие товарищи,

На днях я говорил вам, что власть буржуазии была основана двумя великими историческими событиями: религиозной революцией шестнадцатого века, известной как Реформация, и великой политической революцией прошлого века. Я добавил, что последняя, безусловно совершенная силой народной руки, была инициирована и направлена исключительно средним классом. Теперь я должен доказать вам, что и выгоду от нее получил исключительно средний класс.

И все же программа этой революции, на первый взгляд, кажется грандиозной. Разве она не была осуществлена во имя Свободы, Равенства и Братства человеческой расы – трех слов, которые, кажется, охватывают все, чего только может желать и достичь человечество в настоящем и будущем? Как же так получилось, что революция, которая так широко заявила о себе, закончилась плачевно – исключительным, ограниченным и привилегированным освобождением одного класса, в ущерб миллионам рабочих, которые сегодня раздавлены наглым и незаконным процветанием этого класса?

Революция была не более чем политической революцией. Она смело свергла все барьеры, все политические тирании, но оставила в неприкосновенности – даже провозгласила священными и нерушимыми – экономические основы общества, которые были вечным источником, главным фундаментом всех политических и социальных беззаконий, всех религиозных абсурдов прошлого и настоящего. Она провозгласила свободу каждого и всех, или, скорее, она провозгласила право каждого и всех быть свободными.

Но на самом деле она давала средства для достижения и использования этой свободы только собственникам, капиталистам, богачам.

Бедность – это рабство!

Эти страшные слова наш друг Клеман¹ своим сочувственным голосом, рожденным опытом и сердцем, повторял нам несколько раз за те несколько дней, которые мне посчастливилось провести среди вас, дорогие товарищи и друзья.

Да, бедность – это рабство, это необходимость продавать свой труд, а вместе с ним и свою личность, капиталисту, который дает вам средства, чтобы не умереть от голода. Нужно быть действительно заинтересованным во лжи буржуазии, чтобы осмелиться говорить о политической свободе рабочих масс! Какая же это свобода – подчинять их прихотям капитала и приковывать их к воле капиталиста голодом! Дорогие друзья, мне, конечно, не нужно доказывать вам, познавшим на долгом и

¹ Сильвен Клеман, фотограф из Сент-Имье, сделал в мае 1871 года фотографию Бакунина, которая стала очень популярной в горах Юра. – Дж. Г.

тяжелом опыте страдания труда, что пока капитал остается на одной стороне, а труд – на другой, труд будет рабом капитала, а рабочие – подданными буржуа, которые издевательски дают вам все политические права, всю видимость свободы, чтобы сохранить ее в действительности исключительно для себя.

Право на свободу без средств ее достижения – всего лишь призрак. А мы слишком любим свободу, не так ли, чтобы довольствоваться ее призраком. Мы хотим, чтобы она была реальной. Но что же является реальным содержанием и положительным условием свободы? Это целостное развитие и полное пользование всеми телесными, интеллектуальными и нравственными способностями каждого человека. Это, следовательно, все материальные средства, необходимые для человеческого существования каждого человека; это, таким образом, воспитание и образование. Человек, умирающий от голода, раздавленный несчастьями, ежедневно умирающий от холода и голода, который, видя, как страдают все те, кого он любит, не может прийти им на помощь, – это не свободный человек, а раб. Человек, обреченный всю жизнь оставаться грубым существом из-за отсутствия человеческого воспитания, человек, лишенный образования, невежда, – это обязательно раб; и если он пользуется политическими правами, можете быть уверены, что, так или иначе, он всегда будет пользоваться ими против себя, в интересах своих эксплуататоров, своих хозяев.

Отрицательное условие свободы заключается в следующем: ни один человек не обязан подчиняться другому; он свободен только при условии, что все его поступки определяются не волей других людей, а его собственной волей и его собственными убеждениями. Но человек, которого голод заставляет продавать свой труд, а вместе с ним и свою личность, по самой низкой цене капиталисту, желающему его эксплуатировать; человек, которого его собственная грубость и невежество отдают на милость науськанным эксплуататорам, обязательно и всегда будет рабом.

И это еще не все. Свобода индивидов – это не индивидуальный факт, это факт, коллективный продукт. Ни один человек не может быть свободным отдельно от всего человеческого общества и без его вклада. Индивидуалисты, или лже-социалисты, с которыми мы боролись на всех рабочих конгрессах, утверждали вместе с буржуазными моралистами и экономистами, что человек может быть свободным, что он может быть человеком вне общества, говоря, что общество было основано свободным договором ранее свободных людей.

Эта теория, провозглашенная Жан-Жаком Руссо, самым зловредным писателем прошлого века, софистом, вдохновителем всех буржуазных революционеров, эта теория изобличает полнейшее незнание природы, так же как и истории. Не в прошедшем и не в настоящем должны мы искать свободу масс, но в будущем, – в ближайшем будущем: мы ее должны создать завтра сами, могуществом нашей мысли, нашей воли, но также и силой наших рук. За нами никогда не было свободного договора, были только жестокость, глупость, беззаконие и насилие, – и даже сегодня, как вы прекрасно знаете, этот так называемый свободный договор называется договором голода, рабством голода для масс и эксплуатацией голода в пользу меньшинства, которое пожирает и угнетает нас.

Теория свободного договора ложна и с точки зрения природы. Человек не добровольно создает общество: он невольно рождается в нем. Он – социальное животное по преимуществу. Он может стать человеком – то есть животным, которое думает,

говорит, любит и хочет, – только в обществе. Представьте себе человека, одаренного от природы самыми гениальными способностями, выброшенного в раннем возрасте из человеческого общества в пустыню. Если он не погибнет, что весьма вероятно, он будет всего лишь скотиной, обезьяной, лишенной речи и мысли – ведь мысль неотделима от речи; никто не может мыслить без языка. Вы можете иметь воображение, которое представляет вещи, но как только вы захотите думать, вы должны использовать слова, потому что только слова определяют мысль и придают мимолетным представлениям, инстинктам, характер мысли. Мысль не приходит раньше речи, а речь – раньше мысли; эти две формы одного и того же действия в человеческом мозгу рождаются вместе. Поэтому не существует мысли без речи. Но что такое речь? Это общение, разговор одного человеческого индивида со многими другими индивидами. Человек-животное превращается в человека, то есть в мыслящее существо, только благодаря этому общению, только в этом общении. Поэтому его индивидуальность как человека, его свобода – это продукт коллектива.

Только через коллективный труд человек может освободиться от тиранического давления, оказываемого на каждого из нас внешней природой; ведь индивидуальный труд, бессильный и бесплодный, никогда не сможет покорить природу. Производительный труд, труд, создавший все богатство и всю нашу цивилизацию, всегда был общественным, коллективным трудом; только до сих пор он несправедливо эксплуатировался отдельными людьми в ущерб трудящимся массам. Точно так же образование и обучение, развивающие человека, образование и обучение, которыми так гордятся буржуа и которыми они так скупно осыпают рабочие массы, тоже являются продуктом всего общества. Труд и, я бы даже сказал больше, инстинктивная мысль народа создают их, но до сих пор они создавали их только в интересах буржуазных индивидуумов. Поэтому это все еще эксплуатация коллективного труда отдельными лицами, которые не имеют права монополизировать продукт.

Все, что есть человеческого в человеке, и свобода в том числе, – это продукт общественного, коллективного труда. Быть свободным в абсолютной изоляции – это абсурд, придуманный теологами и метафизиками, которые заменили человеческое общество своим призраком – Богом. Каждый, говорят они, чувствует себя свободным в присутствии Бога, то есть в абсолютной пустоте, в небытии; поэтому это свобода небытия, или небытие свободы, рабства. Бог, фикция Бога, исторически был моральным, или, скорее, аморальным, источником всякого порабощения.

Что касается нас, которые хотят не призраков и небытия, а живой человеческой реальности, то мы признаем, что человек может чувствовать и знать себя свободным – и, следовательно, может достичь своей свободы – только в окружении людей. Чтобы быть свободным, я должен видеть себя в окружении свободных людей и признавать их таковыми. Я свободен только тогда, когда моя личность, отраженная, как в многочисленных зеркалах, в одинаково свободном сознании всех окружающих меня людей, возвращается ко мне, укрепленная всеобщим признанием. Свобода всех, отнюдь не ограничивающая мою собственную, как утверждают индивидуалисты, напротив, является ее подтверждением, ее реализацией и бесконечным расширением. Желать свободы и человеческого достоинства всех людей, видеть и чувствовать, как моя свобода подтверждается, санкционируется, бесконечно расширяется благодаря всеобщему согласию, – это и есть счастье, человеческий рай на земле.

Но эта свобода возможна только при условии равенства. Если человек свободнее меня, я неизбежно стану его рабом; если я свободнее его, он будет моим. Поэтому равенство – абсолютно необходимое условие свободы.

Революционные буржуа 1793 года прекрасно понимали эту логическую необходимость. Именно поэтому слово «*Равенство*» фигурирует вторым термином в их революционной формуле: *Свобода, Равенство, Братство*. Но что это за равенство? Равенство перед законом, равенство политических прав, равенство граждан, а не равенство людей; потому что государство не признает людей, оно знает только граждан. Для него человек существует лишь постольку, поскольку он пользуется – или, по чистой фикции, должен пользоваться – политическими правами. Человек, задвленный принудительным трудом, страданиями, голодом, человек, угнетенный социально, эксплуатируемый экономически, раздавленный и страдающий, не существует для государства, которое игнорирует его страдания, его экономическое и социальное рабство, его реальное рабство, которое скрывается за видимостью обманчивой политической свободы. Поэтому речь идет о политическом, а не о социальном равенстве.

Мои дорогие друзья, вы все на собственном опыте знаете, насколько обманчиво это так называемое политическое равенство, не основанное на экономическом и социальном равенстве. Например, в большинстве демократических государств все мужчины, достигшие совершеннолетия и не находящиеся под уголовным преследованием, имеют право и даже, добавим, обязаны пользоваться всеми политическими правами и выполнять все функции, к которым их может призвать доверие сограждан. Последний из людей, самый бедный, самый невежественный, может и должен пользоваться всеми этими правами и выполнять все эти функции: можно ли представить себе большее равенство, чем это? Да, он должен, он может по закону; но в действительности это невозможно. Для людей, составляющих народные массы, эта власть необязательна, но она никогда не сможет стать для них реальной, если не произойдет радикального преобразования экономических основ общества, – скажем это слово, если не произойдет социальной революции. Таким образом, эти так называемые политические права, которыми пользуется народ, – не более чем пустая фикция.

Мы устали от всех этих фикций, как религиозных, так и политических. Люди устали питаться призраками и сказками. Эта пища не может насытить человека. Сегодня они хотят реальности. Так давайте же посмотрим, что реально для них в осуществлении их политических прав.

Чтобы правильно выполнять функции государства, особенно высшие, необходимо обладать высоким уровнем образования. Народу этого образования совершенно не хватает. Разве это их вина? Нет, это вина институтов. Великая обязанность всех истинно демократических государств – распространять образование среди народа. Сделало ли это хоть одно государство? Не будем говорить о монархических государствах, которые явно заинтересованы в распространении среди масс не образования, а яда христианского катехизиса. Давайте поговорим о республиканских и демократических государствах, таких как Соединенные Штаты Америки и Швейцария. Безусловно, следует признать, что эти два государства сделали для народного образования больше, чем другие. Но достигли ли они своей цели, несмотря на всю свою добрую волю? Смогли ли они дать всем детям, родившимся в их среде, равное

образование? Нет, это было невозможно. Для детей буржуазии – высшее образование, для детей простого народа – только начальное и, в редких случаях, среднее. Почему такая разница? По той простой причине, что у простого народа, у рабочих в деревне и в городе, нет средств, чтобы содержать своих детей, то есть кормить, одевать и содержать их в течение всего времени обучения. Чтобы получить научное образование, нужно учиться до двадцати одного года, а иногда и до двадцати пяти. Я спрашиваю вас, кто из рабочих в состоянии так долго содержать своих детей? Эта жертва им не по силам, потому что у них нет ни капитала, ни собственности, и потому что они изо дня в день живут на свою зарплату, которой едва хватает на содержание большой семьи.

И надо сказать, дорогие товарищи, что вы, горные рабочие, рабочие того ремесла, которое капиталистическое производство, то есть эксплуатация крупного капитала, еще не успело поглотить, вы сравнительно очень счастливы². Работая небольшими группами в своих мастерских, а часто и дома, вы зарабатываете гораздо больше, чем на крупных промышленных предприятиях, где заняты сотни рабочих; ваша работа умна, артистична и не отупляет, как работа машин. Ваше мастерство и интеллект имеют значение. Более того, у вас много свободного времени и относительной свободы; вот почему вы лучше образованы, свободнее и счастливее других.

На огромных фабриках, созданных, управляемых и эксплуатируемых крупным капиталом, где главную роль играют машины, а не люди, рабочие неизбежно становятся жалкими рабами, – настолько жалкими, что чаще всего они вынуждены обречь своих бедных маленьких детей, которым едва исполнилось восемь лет, на работу по двенадцать, четырнадцать, шестнадцать часов в день за жалкие гроши. И делают они это не из жадности, а по необходимости. Иначе они не смогли бы содержать свои семьи.

Вот какое образование они могут им дать. Я думаю, мне не нужно больше тратить слов, чтобы доказать вам, дорогие товарищи, которые так хорошо знают это на собственном опыте, *что до тех пор, пока люди работают не для себя, а для обогащения владельцев собственности и капитала*, образование, которое они могут дать своим детям, всегда будет бесконечно уступать образованию детей буржуазного класса.

И вот перед вами серьезное и катастрофическое социальное неравенство, которое неизбежно лежит в самой основе организации государств: масса, которая обязательно невежественна, и привилегированное меньшинство, которое если и не всегда очень умно, то, по крайней мере, сравнительно хорошо образовано. Вывод напрашивается сам собой. Образованное меньшинство будет вечно править невежественными массами.

Это не просто вопрос естественного неравенства людей; это неравенство, с которым мы вынуждены смириться. Один лучше устроен, чем другой, один рождается с более развитыми природными способностями к интеллекту и воле, чем другой. Но спешу добавить: эти различия вовсе не так велики, как их представляют. Даже с точки зрения природы люди более или менее равны, их достоинства и недостатки

² С 1871 года в Валь-де-Сент-Имье многое изменилось. Часовая промышленность вступила в фазу крупномасштабного производства; большинство мужчин и женщин, изготавливающих часы, теперь работают на заводах или фабриках, а их зарплата значительно снизилась. – Дж. Г.

в большей или меньшей степени компенсируют друг друга. Из этого закона природного равенства есть только два исключения: гениальные люди и идиоты. Но исключения не являются правилом, и в целом можно сказать, что все человеческие личности равны, а если в современном обществе и существуют огромные различия между людьми, то их источником является чудовищное неравенство воспитания и образования, а не природа.

Ребенок, одаренный величайшими способностями, но родившийся в бедной семье, в семье рабочих, живущих изо дня в день своим тяжелым ежедневным трудом, обречен на невежество, которое, вместо того чтобы развивать их, убивает все его природные способности: он будет рабочим, чернорабочим, содержателем и подневольным кормильцем буржуа, которые, естественно, гораздо глупее его. С другой стороны, ребенок буржуа, ребенок богачей, как бы глуп он ни был от природы, получит воспитание и образование, необходимые для полного развития его бедных способностей: он будет эксплуататором труда, хозяином, начальником, законодателем, правителем, – господином. Как бы он ни был глуп, он будет издавать законы для народа и против народа, он будет управлять народными массами.

В демократическом государстве, скажут, народ будет выбирать только хороших. – Но как они узнают хороших? У них нет ни образования, необходимого для того, чтобы судить о том, что хорошо, а что плохо, ни досуга, необходимого для того, чтобы узнать людей, которые выдвигают себя на выборах. Кроме того, эти люди живут в обществе, отличном от его собственного: они приходят склонить шляпу перед Его Величеством суверенным народом только во время выборов, а будучи избранными, отворачиваются от него. Более того, принадлежа к привилегированному классу, к классу эксплуататоров, какими бы прекрасными членами своих семей и своего общества они ни были, они всегда будут плохи для народа, потому что вполне естественно, что они всегда будут стремиться сохранить те привилегии, которые составляют самую основу их социального существования и которые обрекают народ на вечное рабство.

Но почему народ не должен посылать в законодательные собрания и в правительство своих людей, людей из народа? – Во-первых, потому, что люди из народа, вынужденные жить работой своего оружия, не имеют времени посвящать себя исключительно политике; а не имея такой возможности, будучи по большей части невежественными в политических и экономических вопросах, которые решаются в этих высоких сферах, они почти всегда окажутся обманщиками буржуазных юристов и политиков. И, во-вторых, потому что в большинстве случаев этим людям из народа достаточно будет войти в правительство, чтобы, в свою очередь, стать буржуа, иногда даже более ненавистными и более презирающими народ, из которого они вышли, чем сами буржуа по рождению.

Как видите, политическое равенство, даже в самых демократических государствах, – это ложь. То же самое можно сказать и о юридическом равенстве, равенстве перед законом. Закон создается буржуа, для буржуа и применяется буржуа против народа. Государство и выражающий его закон существуют только для того, чтобы увековечить рабство народа в интересах буржуазии.

Более того, как вы знаете, когда вы обнаруживаете, что ваши интересы, ваша честь и ваши права ущемлены, и вы хотите обратиться в суд, для этого вы должны

сначала доказать, что вы в состоянии оплатить расходы, то есть внести определенную сумму. И если вы не в состоянии внести ее, вы не можете подать в суд. Но есть ли у людей, у большинства работников, суммы для внесения какого-либо дела в суд? В большинстве случаев нет. Поэтому богатые могут безнаказанно нападать на вас, оскорблять вас, – потому что для людей нет справедливости.

Пока нет экономического и социального равенства, пока любое меньшинство может стать богатым, собственником, капиталистом не благодаря своему труду, а по наследству, политическое равенство будет ложью. Знаете ли вы, каково истинное определение наследственной собственности? Это наследственная власть эксплуатировать коллективный труд народа и поработать массы.

Именно этого не понимали величайшие герои Революции 1793 года – Дантон, Робеспьер и Сен-Жюст. Они хотели только политической свободы и равенства, а не экономической и социальной свободы и равенства. И именно поэтому свобода и равенство, которые они основали, закрепили господство буржуазии над народом на новых основаниях.

Они думали, что смогут скрыть это противоречие, добавив в свою революционную формулу третий термин – «братство». Это была очередная ложь! Я спрашиваю вас, возможно ли братство между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между угнетателями и угнетенными? Как! Я заставлю вас потеть и страдать целый день, а вечером, когда я соберу плоды ваших страданий и пота, оставив вам лишь малую часть, чтобы вы могли жить, то есть, чтобы завтра вы могли снова потеть и страдать ради моей выгоды, – вечером я скажу вам: давайте обнимемся, мы братья!

Это и есть братство буржуазной революции.

Мои дорогие друзья, мы тоже хотим благородной Свободы, спасительного Равенства и святого *Братства*. Но мы хотим, чтобы эти прекрасные, великие вещи перестали быть фикцией, ложью, стали правдой и составили реальность!

В этом смысл и цель того, что мы называем социальной Революцией

Ее можно выразить в нескольких словах: она хочет и мы хотим, чтобы каждый человек, рожденный на этой земле, мог стать человеком в самом полном смысле этого слова; чтобы у него было не только право, но и все необходимые средства для развития всех его способностей и чтобы он был свободен, счастлив, равен и братски близок! Этого мы все хотим, и мы все готовы умереть, чтобы достичь этой цели.

Я хотел бы попросить вас, друзья, о третьем и последнем заседании, чтобы полностью изложить вам свои мысли.

Третья и заключительная лекция.

Пролетарская революция и революция буржуазии

Дорогие товарищи,

В прошлый раз я рассказал вам, как буржуазия, сама того не сознавая, но отчасти и, по крайней мере, на четверть сознательно, использовала мощную руку народа во время Великой революции 1789-1793 годов, чтобы установить на руинах феодального мира свою собственную власть. Теперь он стал правящим классом. Ошибочно полагать, что именно эмигрировавшее дворянство и священники совершили реакционный переворот Термидора, свергнув и убив Робеспьера и Сен-Жюста, а также гильотинировав или депортировав многих их сторонников. Несомненно, многие члены этих двух павших тел приняли активное участие в заговоре, радуясь падению тех, кто заставлял их трепетать и кто безжалостно отрубал им головы. Но они ничего не могли сделать сами. Лишенные собственности, они оказались бессильны. Именно та часть буржуазного класса, которая обогащалась на скупке национального имущества, на военных поставках и на распоряжении государственными средствами, пользуясь бедствиями населения и самим банкротством, чтобы набить свои карманы, именно они, эти добродетельные представители морали и общественного порядка, были главными зачинщиками этой реакции. Их горячо и мощно поддерживала масса лавочников, вечно злая и трусливая раса, которая мелочно обманывает и отравляет народ, продавая ему свои фальшивые товары, которая обладает всем невежеством народа, не имея его большого сердца, всем тщеславием буржуазной аристократии, не имея ее полных карманов; трусливая во время революций, она становится свирепой во время реакции. Для нее не существуют все те идеи, которые заставляют сердца масс биться быстрее, великие принципы, великие интересы человечества. Она игнорирует даже патриотизм или знает только его тщеславие или блеяние. Нет ни одного чувства, которое могло бы оторвать ее от меркантильных забот, от жалких хлопот повседневной жизни. Все знают, и люди всех партий подтверждают нам, что во время этой ужасной осады Парижа, – в то время как народ сражался, а богатый класс интриговал и готовил измену, отдавшую Париж пруссакам, в то время как щедрый пролетариат, женщины и дети народа полуголодали, – у лавочников была только одна забота – продать свои товары, свои предметы, самые необходимые для пропитания народа, по как можно более высокой цене.

Лавочники во всех городах Франции поступали одинаково. В городах, захваченных пруссаками, они открывали двери пруссакам. В городах, не подвергшихся вторжению, они готовились открыть их; они парализовали национальную оборону и, где только могли, противодействовали народному восстанию и вооружению, которые

только и могли спасти Францию. Лавочники в городах, как и крестьяне в сельской местности, составляют сегодня армию реакции. Крестьян можно и нужно обратить в революцию, но лавочников – никогда.

Во время Великой революции буржуазия разделилась на две категории, одна из которых, составлявшая ничтожное меньшинство, была революционной буржуазией, известной под общим названием якобинцев. Якобинцев сегодняшнего дня не следует путать с якобинцами 1793 года. Сегодняшние якобинцы – это бледные призраки и нелепые карлики, карикатуры на героев прошлого века. Якобинцы 1793 года были великими людьми, у них был священный огонь, культ справедливости, свободы и равенства. Не их вина, что они не понимали лучше некоторые слова, которые и сегодня являются основой всех наших устремлений. Они рассматривали только политическую сторону, а не экономический и социальный смысл. Но, повторяю, это не их вина, как и не наша заслуга в том, что мы понимаем их сегодня. Это вина и заслуга времени. Человечество развивается медленно, слишком медленно, увы! И только через череду ошибок и заблуждений, и прежде всего жестоких переживаний, которые всегда являются необходимым следствием, люди покоряют истину. Якобинцы 1793 года были людьми доброй воли, людьми, вдохновленными идеей, преданными этой идее. Они были героями! Если бы они не были героями, они не совершили бы великих деяний Революции. Мы можем и должны бороться с теоретическими ошибками Дантона, Робеспьера и Сен-Жюста, но, борясь с их ложными, узкими, исключительно буржуазными идеями социальной экономики, мы должны преклониться перед их революционной силой. Они были последними героями буржуазного класса, некогда столь богатого героями.

Кроме этого, героического меньшинства, существовала огромная масса эксплуатируемой буржуазии, для которой идеи и великие принципы Революции были не более чем словами, не имевшими никакой ценности и значения, за исключением тех случаев, когда буржуа могли использовать их для наполнения своих больших и приличных карманов. Как только самые богатые, а значит, и самые влиятельные из них, достаточно набили свои карманы шумом и средствами Революции, они почувствовали, что Революция длится слишком долго, что пора с ней покончить и восстановить закон и порядок.

Они свергли Комитет общественного спасения, убили Робеспьера, Сен-Жюста и их друзей и создали Директорию, которая стала настоящим воплощением буржуазного разврата конца XVIII века, триумфом и господством золота, приобретенного и скопленного в карманах нескольких тысяч человек путем воровства.

Но Франция, еще не успевшая развратиться, еще пульсировавшая великими делами Революции, не могла долго мириться с таким режимом. Было два протеста, один неудачный, другой победоносный: первый, если бы он удался, если бы он мог удался, спас бы Францию и весь мир; победа второго открыла деспотизм королей и рабство народа. Я имею в виду восстание Бабефа и узурпацию первого Бонапарта.

Восстание Бабефа стало последней революционной акцией XVIII века. Бабеф и его друзья были в большей или меньшей степени друзьями Робеспьера и Сен-Жюста. Они были социалистами-якобинцами. Они преклонялись перед равенством, даже в ущерб свободе. Их план был очень прост: Он заключался в экспроприации всех собственников и всех владельцев орудий труда и других капиталов в пользу респуб-

ликанского, демократического и социального государства, чтобы государство, став единственным владельцем всех богатств, как движимых, так и недвижимых, стало, таким образом, единственным работодателем, единственным хозяином общества; Наделенное в то же время политическим всемогуществом, оно взяло под исключительный контроль воспитание и обучение, одинаковое для всех детей, и заставило всех взрослых работать и жить в соответствии с равенством и справедливостью. Вся общинная автономия, вся индивидуальная инициатива, вся свобода, одним словом, исчезли, раздавленные этой грозной силой. Общество в целом должно было быть сведено к монотонному, принудительному единообразию. Правительство избиралось всеобщим голосованием, но после избрания и до тех пор, пока оно оставалось на своем посту, оно осуществляло абсолютную власть над всеми членами общества.

Теория равенства, устанавливаемого силой через власть государства, была придумана не Бабефом. Первые основы этой теории были заложены Платоном за несколько столетий до Рождества Христова в его «Республике» – произведении, в котором этот великий мыслитель древности попытался нарисовать картину эгалитарного общества. Первые христиане, несомненно, практиковали коммунизм в своих общинах, которые полностью подвергались гонениям со стороны официального общества. Наконец, в самом начале Религиозной революции, в первой четверти XVI века, в Германии Томас Мюнцер и его последователи предприняли первую попытку установить социальное равенство на очень широкой основе. Заговор Бабефа стал вторым практическим проявлением эгалитарной идеи в массах. Все эти попытки, включая последнюю, потерпели неудачу по двум причинам: во-первых, потому что массы не были достаточно развиты, чтобы сделать возможной их реализацию; во-вторых, и это самое главное, потому что во всех этих системах равенство было связано с силой и властью государства, а значит, исключало свободу. А мы прекрасно знаем, дорогие друзья, что равенство возможно только при наличии свободы и через свободу: не через исключительную свободу буржуазии, которая основана на рабстве масс и которая является не свободой, а привилегией; но через универсальную свободу человека, которая возвышает каждого до достоинства человека. Но мы также понимаем, что эта свобода возможна только на основе равенства. Восстание, не только теоретическое, но и практическое, против всех институтов и всех социальных отношений, порожденных неравенством, затем установление экономического и социального равенства через свободу каждого: такова наша нынешняя программа, та, которая должна восторжествовать, несмотря на Бисмарков, Наполеонов, Тьеров, несмотря на всех казаков моего августейшего императора, царя всероссийского.

Заговор Бабёфа объединил всех, кто остался в Париже после казней и депортаций реакционного переворота Термидора, граждан, преданных Революции, и, конечно, многих рабочих. Он провалился, некоторые были гильотинированы, но несколько человек выжили, среди них гражданин Филипп Буонарроти, железный человек, древний характер, настолько почтенный, что он знал, как заставить уважать себя людей самых противоположных партий. Он долго жил в Бельгии, где стал главным основателем тайного общества карбонариев-коммунистов; и в книге, которая сегодня стала очень редкой, но которую я постараюсь отправить нашему другу Адемару¹, он

¹ Адемар Швицгебель, из Сонвилье, гравёр. – Дж. Г.

рассказал эту мрачную историю, этот последний героический протест Революции против реакции, известный как заговор Бабёфа.

Другим протестом общества против буржуазного разложения, захватившей власть под именем Директории, была, как я уже говорил, узурпация первого Бонапарта.

Эта история, в тысячу раз более ужасная, известна всем вам. Это была первая инаугурация позорного и жестокого сабельного режима, первая пощечина человечеству со стороны наглого пройдохи в начале века. Наполеон I стал героем всех деспотий, а также их военным ужасом. Потерпев поражение, он оставил после себя чудовищное наследие, свой позорный принцип: презрение к человечеству и его угнетение мечом.

Я не собираюсь говорить о Реставрации. Это была нелепая попытка вернуть жизнь и политическую власть двум больным и падшим телам: дворянству и священникам. Единственная примечательная вещь в Реставрации заключалась в том, что, подвергшись нападению и угрозе со стороны власти, которую, как ей казалось, она завоевала навсегда, буржуазия вновь стала почти революционной. Будучи врагом общественного порядка, как только этот общественный порядок стал не ее собственным, то есть как только он установил и обеспечил интересы, отличные от ее собственных, она снова вступала в заговор против нее. Г-да Гизо, Перье, Тьер и многие другие, которые при Луи-Филиппе отличились как самые фанатичные сторонники и защитники правительства, деспотичного, развращенного, но буржуазного и потому совершенного в их глазах, все эти проклятые души буржуазной реакции, вступили в заговор против нее при Реставрации. В июле 1830 года они одержали победу, и наступило царствование *буржуазного либерализма*.

Исключительное господство буржуазных интересов и политики в Европе действительно началось в 1830 году, особенно во Франции, Англии, Бельгии, Голландии и Швейцарии. В других странах, таких как Германия, Дания, Швеция, Италия, Испания и Португалия, буржуазные интересы преобладали над всеми остальными, но не буржуазное политическое правительство. Я не говорю о той великой и несчастной империи всех Росий, которая до сих пор находится под властью абсолютного деспотизма царей и в которой нет ни одного промежуточного политического класса, ни одного буржуазного политического органа, где, с одной стороны, существует только чиновничий мир, военная, полицейская и бюрократическая организация, исполняющая прихоти царя, а с другой – народ, десятки миллионов человеческих существ, пожираемых царем и его чиновниками. В России революция произойдет непосредственно от народа, как я подробно изложил в довольно длинной речи, которую я произнес несколько лет назад в Берне и которую я поспешу вам выслать². Я также не говорю с вами об этой несчастной и героической Польше, которая борется, всегда задыхаясь, но никогда не погибая, под когтями трех позорных орлов: империи России, империи Австрии и новой империи Германии, представленной Пруссией. В Польше, как и в России, нет, строго говоря, среднего класса; с одной стороны, есть дворянство, наследственная бюрократия, поработанная царем в России,

² См. «Annales du Congrès de Berne de la Ligue de la paix et de la liberté» (сентябрь 1868 г.) и брошюру: «Discours prononcés au Congrès de la paix et de la liberté, à Berne, 1868, par MM. MROCZKOWSKI et BAKOUNINE», Genève, 1869, in-8o, impr. Czerniecki, pages 5-23. (Речи Бакунина на Лиге Мира и Свобода).

прежде господствовавшая, а теперь дезорганизованная и павшая в Польше; с другой стороны, есть крестьянство, порабощенное, пожираемое, раздавленное теперь уже не дворянством, потерявшим свою власть, а государством, его бесчисленными чиновниками, царем. Я не стану говорить с вами ни о маленьких странах – Швеции и Дании, которые стали по-настоящему конституционными только с 1848 года и более или менее отстали от общего развития Европы; ни об Испании и Португалии, где промышленное движение и буржуазная политика так долго были парализованы двоевластием духовенства и армии. Однако я должен отметить, что Испания, которая казалась нам такой отсталой, сегодня представляет нам одну из самых великолепных организаций Международной ассоциации рабочих в мире.

Я остановлюсь на Германии. Германия с 1830 года представляла и продолжает представлять нам странную картину страны, где преобладают интересы буржуазии, но где политическая власть принадлежит не буржуазии, а абсолютной монархии под маской конституционализма, организованной военным и бюрократическим путем и обслуживаемой исключительно дворянами.

Правление буржуазии следует изучать во Франции, Англии и особенно в Бельгии. После объединения Италии под скипетром Виктора-Эммануила его можно изучать и в Италии. Но нигде оно не было так полно охарактеризовано, как во Франции; поэтому именно в этой стране, в первую очередь, мы будем его рассматривать.

С 1830 года буржуазный принцип получил полную свободу для проявления в литературе, политике и социальной экономике. Его можно выразить одним словом: *индивидуализм*.

Под индивидуализмом я понимаю ту тенденцию, которая, рассматривая все общество, массу индивидуумов, как безразличных, как соперников, как конкурентов, как естественных врагов, словом, с которыми все вынуждены жить, но которые мешают всем, толкает индивидуума на завоевание и установление своего собственного благополучия, своего процветания, своего счастья вопреки всем остальным, в ущерб и за счет всех остальных. Это гонка за вершиной, всеобщий *sauve-qui-peut* (спасайся кто может), где каждый стремится быть первым. Горе тем, кто останавливается, ибо их обгоняют. Горе тем, кто, изнемогая от усталости, падает на пути, – их тут же раздавят. У конкуренции нет ни сердца, ни жалости. Горе побежденным! Эта братоубийственная борьба – не что иное, как непрерывное преступление против человеческой солидарности, которая является единственной основой всякой морали. Государство, которое, как утверждается, является представителем и защитником справедливости, не препятствует совершению этих преступлений; напротив, оно их увековечивает и узаконивает. То, что оно представляет, то, что оно защищает, – это не человеческая, а правовая справедливость, которая есть не что иное, как освящение торжества сильного над слабым, богатого над бедным. Государство требует только одного: чтобы все эти преступления совершались законно. Я могу разорить вас, раздавить, убить, но я должен сделать это по закону. В противном случае меня объявят преступником и будут обращаться со мной как с преступником. Вот в чем смысл этого принципа, этого слова: индивидуализм.

Давайте посмотрим на политику. Как выражается этот принцип? Массы, говорят, нуждаются в руководстве, в управлении; они не способны обойтись без правительства, так же как не способны управлять собой. Кто будет управлять ими? Классовых

привилегий больше не существует. Каждый имеет право подняться до самых высоких социальных позиций и функций. Но для этого нужно быть умным и умелым, сильным и благополучным, знать и уметь одержать верх над всеми своими соперниками. И снова гонка за вершиной: управлять будут сильные, умелые личности, которые будут стричь массы.

Теперь рассмотрим этот же принцип в экономическом вопросе, который, по сути, является главным, можно даже сказать, единственным вопросом. Буржуазные экономисты говорят нам, что они выступают за неограниченную свободу индивидов и что конкуренция является условием этой свободы. Но что такое эта свобода? Первый вопрос таков: неужели именно отдельный, изолированный труд произвел и продолжает производить все те чудесные богатства, которыми может похвастаться наш век? Мы знаем, что это не так. Изолированный труд отдельных людей вряд ли смог бы прокормить и одеть маленький дикий народ; великая нация богатеет и может существовать только благодаря коллективному труду, организованному в духе солидарности. Поскольку труд, связанный с производством богатства, является коллективным, логично, что и пользование этим богатством должно быть коллективным. А вот этого буржуазная экономика не хочет, это то, что она с ненавистью отвергает. Она хочет изолированного наслаждения отдельных людей. Но каких индивидуумов? Всех ли? О, нет! Она хочет, чтобы наслаждались сильные, умные, умелые, благополучные. Ах да, благополучных прежде всего. Потому что при его социальной организации и в соответствии с законом наследования, который является его главной основой, рождается меньшинство более или менее богатых, благополучных счастливых людей и миллионы лишенных наследства, несчастных. Тогда буржуазное общество говорит всем этим индивидам: боритесь, соревнуйтесь за приз, за благосостояние, за богатство, за общественную власть. Победители будут счастливы. Есть ли в этой братоубийственной борьбе хотя бы равенство? Нет, ни в коем случае. Некоторые, немногие, вооружены с головы до ног унаследованным образованием и богатством, в то время как миллионы простых людей выходят на арену почти голыми, с унаследованным невежеством и несчастьем. Каков же неизбежный результат этой так называемой свободной конкуренции? Народ сдается, буржуазия торжествует, а закованный в цепи пролетариат вынужден работать как раб на своего вечного победителя – буржуа.

Буржуа вооружен главным образом оружием, против которого пролетариат всегда будет оставаться беспомощным, пока это оружие, капитал, ставший во всех цивилизованных странах главным агентом промышленного производства, – пока этот питатель труда обращен против него.

Капитал в том виде, в каком он создан и присвоен сегодня, не только сокрушает пролетариат, но и выбивает, вытесняет и доводит до нищеты огромное количество буржуа. Причина этого явления, которую средняя и мелкая буржуазия недостаточно понимает и игнорирует, довольно проста. В результате конкуренции, этой борьбы на смерть, которая, благодаря свободе, завоеванной народом в интересах буржуазии, царит теперь в торговле и промышленности, все производители вынуждены продавать свои товары, вернее, товары рабочих, которых они нанимают и эксплуатируют, по как можно более низкой цене. Как вы знаете по опыту, дорогие товары сегодня все больше вытесняются с рынка дешевыми, хотя последние гораздо менее совершенны,

чем первые. Это первое фатальное последствие конкуренции, этой междоусобной борьбы в буржуазном производстве. Она неизбежно приводит к замене хороших товаров посредственными, искусных рабочих – неквалифицированными. В то же время она снижает качество продуктов и самих производителей.

В этой конкуренции, в этой борьбе за самую низкую цену товара крупный капитал непременно должен раздавить мелкий, крупный буржуа должен разорить мелкого буржуа. Ведь огромная фабрика, естественно, может производить свою продукцию и отдавать ее дешевле, чем мелкая или средняя фабрика. Создание крупной фабрики, естественно, требует большого капитала, но в пропорции к тому, что она может произвести, она обходится дешевле, чем мелкая или средняя фабрика: 100 000 франков стоят больше, чем 10 000 франков, но 100 000 франков, использованные на фабрике, дадут 50-60 % прибыли, тогда как 10 000 франков, использованные тем же способом, дадут только 20 %. Крупный производитель экономит на строительстве, на сырье, на машинах; нанимая гораздо больше рабочих, чем мелкий или средний производитель, он также экономит или выигрывает за счет лучшей организации и большего разделения труда. Одним словом, сосредоточив в своих руках 100 000 франков и употребив их на устройство и организацию одной фабрики, он производит гораздо больше, чем десять фабрикантов, нанимающих по 10 000 франков; так что если каждый из последних получает на нанятые им 10 000 франков чистую прибыль, например, в 2 000 франков, то фабрикант, устроивший и организовавший большую фабрику, которая обходится ему в 100 000 франков, зарабатывает 5 000 или 6 000 франков на каждые 10 000 франков, т. е. производит пропорционально гораздо больше товаров. Производя гораздо больше, он, естественно, может продавать свои товары гораздо дешевле, чем мелкие и средние производители; но, продавая их дешевле, он также вынуждает мелких и средних производителей снижать свои цены, без чего их товары не покупались бы. Но поскольку производство этих товаров обходится им гораздо дороже, чем крупному производителю, то, продавая их по цене крупного производителя, они разоряют себя. Так крупный капитал убивает мелкий, а если крупный капитал сталкивается с капиталом более крупным, чем он сам, он в свою очередь оказывается раздавленным.

Это настолько верно, что сегодня наблюдается тенденция к объединению крупных капиталистов в чудовищно грозные капиталы. Эксплуатация торговли и промышленности акционерными обществами начинает заменять в наиболее трудолюбивых странах, в Англии, Бельгии и Франции, эксплуатацию крупных индивидуальных капиталистов. По мере роста цивилизации и национального богатства наиболее развитых стран увеличивается богатство крупных капиталистов, но уменьшается число капиталистов. Масса средних буржуа оттесняется в мелкую буржуазию, а еще большая толпа мелких буржуа неумолимо оттесняется в пролетариат, в нищету.

Это неоспоримый факт, подтвержденный как статистикой всех стран, так и самой точной математической демонстрацией. В экономической организации современного общества это постепенное обнищание огромной массы буржуазии в пользу небольшого числа капиталистических монстров является неумолимым законом, против которого нет иного средства, кроме социальной революции. Если бы у мелкой буржуазии хватило ума и здравого смысла понять это, она давно бы уже вступила в союз с пролетариатом, чтобы осуществить эту революцию. Но мелкая буржуазия, как

правило, очень глупа; ее глупое тщеславие и эгоизм закрывают ей разум. Она ничего не видит, ничего не понимает, и, задавленная с одной стороны крупной буржуазией, с другой – угрозой со стороны пролетариата, который она презирает так же сильно, как ненавидит и боится, она по глупости позволяет увлечь себя в пропасть.

Последствия этой буржуазной конкуренции катастрофичны для пролетариата. Вынужденные продавать свою продукцию – или продукцию эксплуатируемых ими рабочих – по минимально возможной цене, производители вынуждены платить своим рабочим по минимально возможной цене. Следовательно, они больше не могут оплачивать талант и гениальность своих рабочих. Они вынуждены искать работу, которая продается, которая вынуждена продаваться, по самой низкой цене. Поскольку женщины и дети довольствуются более низкой зарплатой, они нанимают детей и женщин, предпочитая их мужчинам, а посредственных неквалифицированных работников – квалифицированным, если только последние не довольствуются зарплатой неквалифицированных работников, детей и женщин. Всеми буржуазными экономистами доказано и признано, что мера заработной платы рабочего всегда определяется ценой его ежедневного содержания: так, если рабочий может содержать, одевать и кормить себя за один франк в день, то его заработная плата скоро упадет до одного франка. И этому есть очень простая причина: рабочие, придавленные голодом, вынуждены конкурировать друг с другом, а фабрикант, жаждущий как можно быстрее разбогатеть, эксплуатируя их труд, и вынужденный, с другой стороны, буржуазной конкуренцией продавать свои товары по как можно более низкой цене, естественно, возьмет тех рабочих, которые за самую низкую зарплату предложат ему наибольшее количество часов труда.

Это не только логический вывод, это факт, который ежедневно происходит в Англии, Франции, Бельгии, Германии и в тех частях Швейцарии, где создана крупная промышленность, промышленность, эксплуатируемая на крупных заводах крупным капиталом. В своей последней лекции я говорил вам, что вы – привилегированные рабочие: хотя вам еще далеко до получения полной стоимости вашей дневной продукции в виде заработной платы, хотя вас, несомненно, эксплуатируют ваши начальники, тем не менее, по сравнению с рабочими крупных предприятий, вы достаточно хорошо оплачиваемы, у вас есть досуг, вы свободны, вы счастливы. И я спешу признать, что вы заслуживаете еще большей благодарности за то, что вступили в Интернационал и стали преданными и ревностными членами этой огромной ассоциации труда, которая должна освободить рабочих всего мира. Это благородно и великодушно с вашей стороны. Вы доказываете, что думаете не только о себе, но и о миллионах ваших братьев и сестер, которые гораздо более угнетены и гораздо более несчастны, чем вы. С огромным удовольствием я передаю вам это свидетельство.

Но одновременно с великодушной и братской солидарностью, позвольте мне сказать вам, что вы также действуете дальновидно и благоразумно; вы действуете не только ради своих несчастных братьев в других отраслях и других странах, но и, если не полностью ради себя, то, по крайней мере, ради своих собственных детей. Вы не абсолютно, но относительно хорошо оплачиваемы, свободны и счастливы. Почему вы так счастливы? По той простой причине, что большой бизнес еще не вторгся в вашу индустрию. Но вы, вероятно, не верите, что так будет всегда. Большой бизнес, по присущему ему закону, неизбежно вторгнется во все. Он, естественно, начал с

эксплуатации тех отраслей торговли и промышленности, которые сулили ему наибольшие выгоды, тех, которые легче всего было эксплуатировать, и он обязательно закончит тем, что, достаточно освоив их, и в силу конкуренции, которую он создает сам с собой в процессе этой эксплуатации, снова вернется к тем отраслям, которых он до сих пор не касался. Разве мы уже не производим одежду, сапоги и кружева машинным способом? Хотите верьте, хотите нет, но рано или поздно, и, вероятно, очень скоро, часы тоже будут производиться машинным способом. Пружины, спуски, коробки, чаши, полировка, гильоширование и гравировка – все это будет сделано машиной. Изделия не будут столь тщательными, как те, что выходят из-под ваших умелых рук, но они будут стоить гораздо дешевле, и на них найдется гораздо больше покупателей, чем на ваши более совершенные изделия, которые в итоге будут вытеснены с рынка. И тогда если не вы, то, по крайней мере, ваши дети окажутся рабами, такими же несчастными, как сегодня рабочие на крупных промышленных предприятиях. Таким образом, вы видите, что, работая на своих братьев, несчастных рабочих в других отраслях промышленности и других странах, вы также работаете на себя или, по крайней мере, на своих собственных детей.

Вы работаете на благо человечества. Сегодня рабочий класс стал единственным представителем великого, святого дела человечества. Будущее принадлежит рабочим: трудящимся на полях, на фабриках и в городах. Все стоящие над ними классы, вечные эксплуататоры труда народных масс: дворянство, духовенство, буржуазия и вся эта мириада военных и гражданских чиновников, олицетворяющих беззаконие и злую силу государства, – это развращенные классы, пораженные бессилием, неспособные отныне понимать и желать добра и способные только на зло.

Духовенство и дворянство были разоблачены и побеждены в 1793 году. Революция 1848 года разоблачила буржуазию и показала ее бессилие и беззаконие. В июньские дни 1848 года буржуазный класс решительно отрекся от религии своих отцов – революционной религии, принципами и основами которой были свобода, равенство и братство. Как только народ всерьез воспринял равенство и свободу, буржуазия, существующая только за счет эксплуатации, то есть за счет экономического неравенства и социального рабства народа, снова бросилась в реакцию.

Те же предатели, которые сегодня хотят снова потерять Францию, эти Тьер, Жюль Фавр и огромное большинство Национального собрания в 1848 году, работали на торжество самой отвратительной реакции, как они работают на нее и сегодня. Сначала они возвели Луи Бонапарта в президенты, а затем уничтожили всеобщее избирательное право. Страх перед социальной революцией, ужас перед равенством, ощущение его преступлений и страх перед народным правосудием бросили целый падший класс, когда-то такой умный и героический, а теперь такой глупый и трусливый, в объятия диктатуры Наполеона III. И восемнадцать лет подряд у них была военная диктатура. Не стоит верить, что буржуазии пришлось несладко. Те из них, кто хотел вести себя как мятежники и играть в либерализм так, чтобы это было слишком шумно и неудобно для имперского режима, были, естественно, изгнаны и подавлены. Но все остальные, те, кто, оставив политические глупости народу, занялся исключительно, всерьез, великим делом буржуазии – эксплуатацией народа, – были мощно защищены и облагодетельствованы. Чтобы спасти свою честь, им даже предоставили видимость свободы. Разве в империи не было законодательного собрания,

регулярно избираемого всеобщим голосованием? Так что все шло в соответствии с желаниями буржуазии. Было только одно черное пятно. Это завоевательные амбиции государя, которые неизбежно привели Францию к разорительным расходам и в итоге разрушили ее древнюю державу. Но это черное пятно не было случайностью, оно было необходимостью системы. Деспотический, абсолютный режим, даже если он имеет видимость свободы, обязательно должен опираться на мощную армию, а любая большая постоянная армия рано или поздно делает необходимой внешнюю войну, потому что военная иерархия в основном вдохновляется честолюбием: Каждый лейтенант хочет стать полковником, а каждый полковник – генералом; что касается солдат, систематически деморализованных в казармах, то они мечтают о благородных удовольствиях войны: резне, грабежах, воровстве, изнасилованиях, – доказательство тому: подвиги прусской армии во Франции. Ну а если все эти благородные страсти, умело и систематически взращиваемые в сердцах офицеров и солдат, долго остаются неудовлетворенными, они озлобляют армию и доводят ее до недовольства, а от недовольства – до бунта. Поэтому возникла необходимость вести войну. Поэтому все экспедиции и войны, предпринятые Наполеоном III, не были личной прихотью, как утверждают сегодня буржуа: они были необходимостью деспотической имперской системы, которую они сами основали из страха перед социальной революцией. Именно привилегированные классы, именно высшее и низшее духовенство, именно падшее дворянство, наконец, именно эта почтенная, честная и добродетельная буржуазия, как и все остальные классы и даже больше, чем сам Наполеон III, является причиной всех тех ужасных несчастий, которые только что обрушились на Францию.

И как вы все видели, товарищи, для защиты этой несчастной Франции во всей стране была только одна масса – масса рабочих в городах, та самая масса, которая была предана и сдана буржуазией империи и принесена ею в жертву буржуазной эксплуатации. По всей стране только щедрые рабочие фабрик и городов хотели народного восстания ради спасения Франции. Рабочие в деревне, крестьяне, деморализованные и оупевшие от религиозного воспитания, которое они получали со времен первого Наполеона и до наших дней, встали на сторону пруссаков и реакции против Франции. Они могли бы совершить революцию. В памфлете, который многие из вас читали, под названием *«Письма к французам»*, я изложил средства, которые нужно было использовать, чтобы привлечь их к революции. Но для этого города должны были сначала восстать и организовать революционно. Рабочие хотели этого: они даже пытались это сделать во многих городах на юге Франции, в Лионе, Марселе, Монпелье, Сент-Этьене и Тулузе. Но везде они были подавлены и парализованы буржуазными радикалами во имя Республики. Да, именно во имя Республики буржуа, ставшие республиканцами из страха перед народом, именно во имя Республики Гамбетта, старый грешник Жюль Фавр, Тьер, этот позорный лис, и все эти Пикары, Ферри, Жюль Симон, Пеллетан и многие другие, именно во имя Республики они убили Республику и Францию.

Буржуазии вынесен приговор. Буржуазия, самый богатый и многочисленный класс Франции, – не считая, конечно, народных масс, – если бы хотела спасти Францию, она могла бы это сделать. Но для этого она должна была пожертвовать своё богатство, свою жизнь, и открыто опереться на пролетариат, как это сделали её

предки, буржуа 1793 года. Но, буржуазия наших дней не захотела жертвовать своими деньгами и тем более своей жизнью, и она предпочла завоевание Франции пруссаками своему спасению через социальную революцию.

Вопрос между городскими рабочими и буржуа был поставлен достаточно ясно. Рабочие говорили: «мы скорее взорвём дома, чем отдадим наши города пруссакам». Но, буржуа на это отвечали: «мы скорее откроем ворота наших городов пруссакам, чем допустим рабочим сделать беспорядок, мы хотим сохранить наше имущество во что бы то ни стало, даже если бы для этого нас заставили целовать пятки у немцев».

И заметьте, что сегодня те же самые буржуа осмеливаются оскорблять Парижскую Коммуну, эту благородную Коммуну, которая спасла честь Франции и, будем надеяться, свободу всего мира; те же самые буржуа оскорбляют ее сегодня во имя чего? – *Во имя патриотизма!*

Воистину, у этих буржуа железный лоб! Они достигли такой степени бесславия, что потеряли всякое чувство скромности. Они не знают стыда. Не успев умереть, они уже полностью сгнили.

И так обстоит дело не только в одной Франции, товарищи, всюду в Европе буржуазия прогнила насквозь и в моральном и в умственном отношении. Во всех европейских странах лишь пролетариат сохранил в себе священный огонь и только пролетариат один высоко несёт ныне знамя человечества.

Каков его девиз, его принцип? *Солидарность*. Все за каждого, и каждый за всех и для всех. Это девиз и основополагающий принцип нашей великой Международной ассоциации, которая, переступая границы государств и тем самым разрушая их, стремится объединить трудящихся всего мира в единую человеческую семью на основе одинаково обязательного для всех труда и во имя свободы каждого. В социальной экономике эта солидарность называется коллективным трудом и коллективной собственностью; в политике она называется разрушением государств и свободой каждого через свободу всех.

Да, дорогие товарищи, вы, рабочие, солидарно объединённые с вашими братьями рабочими всего мира, вы являетесь ныне исполнителями великой исторической задачи – освобождения человечества. Для выполнения этой огромной задачи вы имеете своим сотоварищем крестьянина, такого же рабочего как и вы сами, хотя и на других условиях. Но, крестьянин не обладает ещё в достаточной степени сознанием о великой задаче народа. Он был отравлен и отравляется до сих пор попами, и является, благодаря своей темноте, орудием реакции против себя самого. Вы должны просветить крестьянина, спасти его, несмотря на него самого, обучить его, познакомить его с тем, что такое Социальная Революция.

В настоящий момент и, особенно, в начале, промышленные рабочие должны рассчитывать только на самих себя. Они будут непобедимы, если захотят этого. Но, они должны стремиться к этому серьёзно. Чтобы осуществить свою волю и стремление к завоеванию свободы рабочие имеют в своих руках только два средства Первое – они должны установить в своих группах, а затем и между группами, настоящую братскую солидарность, солидарность не только на словах, но на деле. Солидарность рабочих должна проявляться не только во время праздников и торжеств, но во всех случаях повседневной жизни. Каждый член Интернационала должен ощущать, должен практически видеть, что все члены Интернационала на самом деле его братья.

Другое средство для освобождения рабочих – это революционная организация, организация для действия. Если народные восстания в Лионе, Марселе и в других городах Франции были подавлены, то это произошло благодаря тому, что народные массы были не организованы. Я могу говорить об этом с полным знанием фактов, поскольку я был там и сам пострадал. И если Парижская Коммуна продолжает героически держаться до настоящего момента, то причина этого заключается в том, что парижские рабочие, во всё время осады Парижа объединялись в союзы и укрепляли свои организации. Буржуазные газеты вполне правы, утверждая, что парижское движение вызвано Интернационалом. Да, повторяю я с гордостью, это наши братья-интернационалисты своей неустанной работой организовали парижский народ и сделали возможным осуществление Парижской Коммуны.

Будем же хорошими братьями, товарищи, и организуемся. Не думайте, чтобы мы присутствуем при конце Революции, нет, наоборот, мы переживаем только её начало. Отныне Революция стоит на повестке дня, и она будет стоять еще десятки лет. Она настигнет и нас рано или поздно. Будем же готовиться, давайте становиться более серьезными, очистимся от наших эгоистических привычек, будем меньше разглагольствовать, перестанем быть крикунами, и фразерами. Будем меньше проводить времени в кабаках и в увеселительных местах; приготовимся достойно к этой великой борьбе, которая должна спасти все народы и окончательно освободить человечество.

Да здравствует Социальная Революция! Да здравствует Парижская Коммуна!

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Михаил Бакунин
Три лекции, прочитанные рабочим Валь-де-Сент-Имье
Май 1871, впервые опубликовано полностью

https://fr.wikisource.org/wiki/Bakounine/%C5%92uvres/Tome_V

Возможно, существует старый русский перевод. В книге "Социальная доктрина М. А. Бакунина" Пирумова пишет о неких трех речах "М. Бакунина в одной из секций Международного товарищества рабочих в мае 1871 года", снабженная ссылкой, которая ведет нас к "Речи, произнесенные М. Бакуниным в Центральной секции округа Куртлари Международного союза рабочих в мае 1871 года // ЦГАОР СССР. Ф. 825. Оп. 1. № 301. Л. 82.". К сожалению, у публикатора не было возможности добраться до этого возможного перевода (возможного, потому, что Пирумова не пишет, переведен ли этот документ на русский), поэтому нижеприведенный текст представляет собой перевод с книги, составленной Гильомом.

ru.anarchistlibraries.net